

пени, в какой она рассматривает себя как связанный с понятием текста подход ко всем лингвистическим вопросам.

0.3. В такой ситуации нам хотелось бы, с одной стороны, прояснить теоретико-методические различия между указанными тремя направлениями, а с другой стороны, показать, как эти противоречия могут (собственно говоря, должны) быть преодолены. Для этого мы сначала проведем различия между языковыми уровнями вообще, а потом сформулируем ряд тезисов, касающихся этих уровней и одновременно трех главных направлений современной лингвистики.

1.1. Здесь нам необходимо различение речи вообще, отдельного языка и текста. В самом деле язык (language) является общей человеческой деятельностью, осуществляющейся по известным историческим традициям языковых сообществ и по индивидуальным правилам (в определенной «ситуации»). Отсюда и вытекает наше различие: язык в качестве общечеловеческой деятельности представляет собой речь; исторические традиции речи, принятые в исторически сложившихся языковых сообществах, представляют собой отдельные языки (исторические языки, диалекты и т. д.), а речевой акт или ряд связанных речевых актов, осуществляемых индивидом в определенной ситуации, представляют собой текст (устный или письменный).

1.2. Хотя речь и осуществляется на основе отдельных языков, она содержит не только то, что присуще отдельным языкам, поскольку она одновременно основывается на принципах мышления и общем «знании мира» (включая мнения о «вещах»). В умозаключении *Die Franzosen sind zahlreich — Pierre ist Franzose — Pierre ist zahlreich* (букв.: Французы многочисленны; Пьер — француз; Пьер — многочислен) последнее суждение кажется «недопустимым», но не с точки зрения отдельного языка (т. е. не потому, что, как иногда полагают, прилагательное *zahlreich* не может в немецком языке быть предикативно связанным с существительным типа *Pierre*), а по общеязыковым причинам, а именно потому, что такое выражение противоречиво с логической точки зрения (оно эквивалентно утверждению «Один француз — это много французов»). Собственно говоря, «непозволительность» таких выражений, которая сама по себе не имеет ничего общего с «неправильностью» в терминах отдельного языка, касается не только немецкого, но и любого другого языка, причем абсолютно с той же точки зрения. Выражения типа «солнце», «луна», не являющиеся именами собственными, считаются индивидуальными названиями на основе общего «знания мира»; такие выражения, как «глуп, как осел», «интеллигентен, как осел», в различных общностях (не совпадающих, однако, с языковыми общностями) эквивалентны на основании мнения о «вещах». А что касается текста, то, хотя отдельные языки и реализуются в текстах, текст не обязательно должен принадлежать какому-то одному языку — достаточно распространены и многоязычные тексты. Кроме того, тексты обусловлены ситуативно, что не распространяется на отдельные языки, и они следуют «текстовым традициям», не принадлежащим отдельному языку: так, например, рассказ, сообщение и т. д. являются общими типами текста, неопределимыми в терминах отдельного языка. Поэтому «истинными» или «ложными» могут быть лишь тексты, но не языки. С точки же зрения отдельного языка, текст может быть только «правильным» или «неправильным» (т. е. соответствующим или несоответствующим традиции).

2. Наши тезисы, касающиеся трех языковых уровней и трех основных направлений современной лингвистики, будут следующими:

а) для трех уровней должны быть приняты различные функциональные категории (категории речи, категории языков, категории текста);

б) каждому уровню соответствует особый уровень языкового содержания («семантический уровень»), а именно: обозначение, значение и смысл (*designatio, significatio, sensus*);